

Г. А. ГАИТБАЕВА, С. И. МАХНЕЙ

Уфимский государственный институт искусств им. Загира Исмагилова

г. Уфа, Россия

ORCID: 0000-0001-9255-5289,

ORCID: 0000-0003-2695-2264

Башкирская оперная студия при Московской консерватории в период уфимской эвакуации: страницы истории

Статья посвящена истории Башкирской оперной студии при Московской консерватории в период её эвакуации в Уфу в годы Великой Отечественной войны. Материал, представленный в статье, базируется на анализе значительного документального массива, рассредоточенного в архивных фондах Российского государственного архива литературы и искусства, Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского, Национального архива Республики Башкортостан. Большая часть материалов вводится в научный обиход впервые. Цель статьи – на основе ранее неизвестных документальных свидетельств воссоздать хронологию событий, связанную с возобновлением деятельности студии в условиях уфимской эвакуации. На основе архивных документов выяснены точные даты начала и окончания учебных занятий по разным специальностям, количество учащихся, восстановлен список преподавателей (в большинстве из числа эвакуированных), указаны учебные дисциплины, отмечены результаты учёбы, а также обозначены материальные, жилищные проблемы, освещена система финансирования студии.

Принцип объективности, как один из ведущих принципов исторического исследования, подразумевающий воссоздание исторической действительности с опорой на подлинные факты, стал ведущим в данной работе. Одним из основных методов, применяемых в статье, стал метод исторической реконструкции, предусматривающий воссоздание реальных событий с помощью имеющихся источников. В процессе изложения результатов реконструкции была использована форма исторического повествования, основанная на нарративной теории оформления реконструктивного знания.

Ключевые слова: Башкирская оперная студия, Московская консерватория, эвакуация, Уфа, учебный процесс, вокальное отделение, композиторское отделение, учебные дисциплины, педагоги, финансирование, быт.

Для цитирования / For citation: Гаитбаева Г.А., Махней С.И. Башкирская оперная студия при Московской консерватории в период уфимской эвакуации: страницы истории // Проблемы музыкальной науки / Music Scholarship. 2021. № 3. С. 148–160. DOI: 10.17674/1997-0854.2021.3.148-160

G. A. GAITBAEVA, S. I. MAKHNEY

Ufa State Zagir Ismagilov Institute of Arts

Ufa, Russia

ORCID: 0000-0001-9255-5289,

ORCID: 0000-0003-2695-2264

Bashkir Opera Studio at the Moscow Conservatory at the Time of Ufa Evacuation: Pages of History

The article is devoted to the history of the Bashkir Opera Studio at the Moscow Conservatory at the time of its evacuation to Ufa during the Great Patriotic War. The material presented in the article is based on the analysis of a significant documentary file, dispersed in the archives of the Russian State Archives of Literature and Art, of the Moscow State P.I. Tchaikovsky Conservatory, of the Republic of Bashkortostan National Archives. Most of the materials are introduced into scientific use for the first time. The purpose of the article is to recreate the chronology of events which are related to the resumption of the studio's activities under the Ufa evacuation on the basis of previously unknown documentary evidence. On the basis of archival documents the exact dates of beginning and ending training sessions in various specialties, the number of students were found, the list of teachers (in most of the evacuees) was restored, the academic disciplines were indicated, the results of studies were noted, and material and housing problems were indicated, the studio financing system was highlighted.

The principle of objectivity, as one of the leading principles of historical research, implying the recreation of historical reality, that is based on true facts, has become the leading one in the given work. One of the main methods used in the article is the method of historical reconstruction, which provides for the reconstruction of real events using available sources. In the process of presenting the results of reconstruction was used a form of historical narration that was based on the narrative theory of the reconstructive knowledge design.

Keywords: Bashkir Opera Studio, Moscow Conservatory, evacuation, Ufa, educational process, vocal department, composer department, academic disciplines, teachers, funding, everyday life.

В 30-е годы XX века Московская государственная консерватория им. П.И. Чайковского включилась в работу по развитию музыкальных культур народов СССР. В 1932 году была организована новая для своего времени музыкально-образовательная структура – Башкирская оперная студия. Вскоре были открыты и другие национальные студии (отделения) – Татарская, Узбекская, Казахская, Туркменская, Киргизская, Северо-Осетинская. Работали в Москве вплоть до начала Великой Отечественной войны. В

обнаруженных архивных документах 1941 года значится: «Не вызывать в Москву учащихся национальных студий Узбекской, Туркменской, Киргизской, Казахской, Башкирской и Северо-Осетинской, организовав в 1941–1942 учебном году для них занятия в республиканских центрах»¹. Война значительно осложнила процесс обучения «на местах», но не прервала его.

В сентябре работник Управления по делам искусств при СНК БАССР Н. Волков, вскоре назначенный руководителем

Башкирской студии, был направлен в Москву для решения вопросов, касающихся финансирования, а также приглашения педагогов для работы в Уфе. Позднее им же была составлена смета по сокращённому учебному плану Главного управления учебными заведениями (ГУУЗ) и Московской консерватории. Финансирование учебной единицы, согласно данным сметы, поручили Московской консерватории. Однако к началу 1941–1942 учебного года оно было приостановлено в связи с военными действиями вблизи столицы². Для дальнейшего обучения студийцев руководство Башкирии приняло решение финансировать оперную студию за счёт бюджета республики. В одном из архивных документов читаем: «Управление по делам искусств при СНК БАССР, желая продолжать подготовку национальных кадров в Башкирском отделении, запланировало финансирование по местному республиканскому бюджету и впредь до утверждения сметы, с целью сохранения контингента учащихся организовало при Башкирском объединённом театре оперы и балета Башкирскую оперную студию для повышения квалификации»³.

Такая студия была организована 30 октября 1941 года, согласно распоряжению директора Башкирского объединённого театра Д. Дмитриева. 1 ноября 1941 года начались занятия вокальной специальности по ранее утверждённому управлением искусств учебному плану с десятичасовой нагрузкой в неделю⁴. Тогда же всех певцов зачислили на практику в театр оперы и балета и филармонию.

В течение 1941–1942 учебного года существенно изменился количественный состав учащихся. Так, по свидетельству архивных документов, из 47 человек, числившихся в Башкирской оперной студии в конце 1940–1941 учебного года, выбыло 20 (ушли на фронт – 9, по разным дру-

гим причинам – 11). В начале 1942–1943 учебного года студию пополнили ещё 10 человек (вокальное отделение – 9, композиторское – 1)⁵.

Композиторское и дирижёрско-хоровое отделения, восстановленные в Уфе осенью 1942 года, прекратили своё функционирование уже через полгода – весной 1943-го. Тогда студенты-композиторы Х. Ахметов и З. Исмагилов с санкции Управления по делам искусств при СНК БАССР на год ушли в отпуск по болезни, а единственная студентка дирижёрско-хорового отделения М. Аюпова была исключена за самовольный отъезд⁶.

К работе в национальных студиях при Московской консерватории, организованных в регионах Советского Союза, привлекались исключительно квалифицированные педагоги. В частности, в Орджоникидзе (Северо-Осетинское отделение) для подготовки оперных певцов были направлены преподаватели Н. Сперанский и С. Друзякина, во Фрунзе (Киргизское отделение) – Д. Тонский. В Уфу на должность заведующего вокальным отделением Башкирской студии и педагогом класса сольного пения прибыла Мария Владимировна Владимирова⁷.

Сохранившиеся архивные документы позволяют восстановить первоначальный список профессорско-преподавательского состава Башкирской студии в годы войны. Помимо М. Владимировой здесь также работали педагог по вокалу Башкирского театра оперы и балета Р. Фишер, педагог по музыкально-теоретическим дисциплинам московский композитор Н. Чемберджи и два концертмейстера – Л. Евграфова (Москва) и Б. Энтина (Одесса). Со временем к работе были привлечены и другие квалифицированные педагоги, эвакуированные в Башкирию. Несмотря на короткие сроки пребывания, все они сыграли значительную роль в творческом развитии студийцев.

Уроки вокала стала преподавать заведующая кафедрой сольного пения Московской консерватории профессор Л. Балановская; гармонию, музыкальную теорию, сольфеджио – Л. Спасокукоцкий (Киев), общее фортепиано – Э. Замлер (Одесса), Т. Виноградова (Киев) и Г. Маршак-Файнберг (Ленинград). Кроме того, приняли ещё двух концертмейстеров – М. Гольдфельд и В. Шехтер (Москва). Общегуманитарный блок дисциплин вели педагоги из Башкирии: историю народов СССР, новую историю и русский язык преподавал доцент Д. Садинский, башкирский язык и литературу – К. Ахмеров⁸.

Значительный вклад в дело подготовки будущих кадров республики внесли солисты, дирижёры, режиссёры эвакуированного в Уфу Киевского театра оперы и балета им. Т. Шевченко: народная артистка СССР М. Литвиненко-Вольгемут; народные артисты УССР – режиссёры Н. Смолич, В. Манзий, солисты З. Гайдай, И. Паторжинский, А. Ропская, А. Иванов; заслуженные артисты УССР – дирижёры В. Йориш, Я. Розенштейн, солисты Н. Захарченко и Н. Платонов и другие [1]. В годы пребывания в Уфе работники Киевского театра активно сотрудничали с местными музыкантами, делились своим опытом и знаниями со студийцами. Непосредственно к педагогической деятельности в Башкирской студии были привлечены режиссёр Н. Смолич, дирижёр В. Йориш, солист группы флейт симфонического оркестра, преподаватель Киевской консерватории А. Проценко⁹. Осенью 1942 года Киевский театр отбыл в г. Иркутск. Тогда студия лишилась большей части высококвалифицированных педагогов.

К началу 1942–1943 учебного года руководством студии были приглашены новые преподаватели из числа находившихся на тот момент в Уфе. Вскоре в работу по подготовке оперных певцов

включились заслуженный деятель искусств БАСССР, дирижёр П. Славинский, режиссёр Оперно-драматической студии им. Станиславского И. Чернецкая и преподаватель немецкого языка, доцент Московской консерватории С. Дробкина. Педагогом по ритмике стала заслуженная артистка РСФСР В. Яновская, общему фортепиано – Э. Замлер (Одесса), истории музыки – Ш. Шварцман (Киев), истории театра – Н. Фарфель, истории ВКП(б) – М. Резников; в штат приняли также концертмейстеров Э. Сандлер (Одесса) и З. Деслер (Москва). К 1943 году количество педагогов Башкирского отделения достигло 20 человек (с высшим образованием – 15 человек, с незаконченным высшим и средним специальным образованием – 5 человек). В период подготовки выпускного спектакля студентов (опера «Евгений Онегин») количество преподавателей доходило до 22 человек. Тем не менее, как свидетельствуют архивные документы, проблема с укомплектованием профессорско-педагогического состава Башкирского отделения всё же имелась. Так, например, в конце 1942–1943 учебного года отсутствовали преподаватели по актёрскому мастерству, гриму и культуре речи.

Происходили изменения и в административно-управленческом составе Башкирской студии, функционирующей в Уфе. Первый руководитель – Н. Волков – был вынужден оставить свою должность в ноябре 1941 года из-за командировки с фронтовой бригадой. Новый директор был назначен лишь в марте 1942 года, им стал заместитель начальника Управления по делам искусств при СНК БАСССР П. Судаков. С февраля 1942 года учебной частью студии заведовал студент композиторского отделения Р. Габитов, в мае того же года его сменил студиец-вокалист Г. Байков. 10 июля 1942-го Управление по

делам искусств при СНК БАССР перевело Г. Байкова на должность временно исполняющего обязанности директора Башкирского отделения.

В первые месяцы функционирования Башкирской студии учебные планы и программы по отдельным дисциплинам составлялись педагогами студии и обсуждались учебной частью. Небольшую методическую помощь в виде составления учебного плана и подбора педагогов оказала прибывшая с командировкой в Уфу профессор Московской консерватории Н. Брюсова. Кроме того, известно, что летом 1942 года «для инструктирования постановки историко-теоретического образования» в Башкирию приезжали профессор И. Рыжкин и доцент А. Йохелес¹¹. Позднее данные документы

дважды высылались на утверждение в Саратовское отделение Московской консерватории, поскольку, согласно указу Главного управления учебных заведений (ГУУЗ), консерватория должна была осуществлять методическое руководство национальных студий. Однако ответы на запросы Башкирия получала несвоевременно, а учебные планы вовсе не были возвращены. Известно, что вокальная кафедра консерватории обсудила некоторые программы и провела работу по подбору национального репертуара лишь в следующем, 1942–1943 учебном году¹¹.

В отчётном докладе директора студии Г. Байкова приводится перечень дисциплин учебного плана вокального отделения Башкирской студии на 1942–1943 учебный год¹²:

<ul style="list-style-type: none"> – Специальность – Концертмейстерские (с педагогом, индивидуально) – Оперный класс – Ритмика – Сольфеджио – Музыкальная теория, гармония – Общее фортепиано – История музыки, слушание – История театра – Сценическое мастерство – Музыкальный фольклор 	<ul style="list-style-type: none"> – Культура речи – Грим – История народов СССР и новая история – Литература, русский язык – Немецкий язык – Башкирский язык – История ВКП(б) – Военная подготовка – Инструментоведение – Дирижирование
--	--

При сравнении учебных планов разных лет (1933 и 1943) обнаруживается сокращение общеобразовательных дисциплин (отсутствуют математика, физика, химия, обществоведение). Однако наблюдается значительное пополнение перечня специальных дисциплин, необходимых для вокалиста: оперный класс, концертмейстерские занятия, история театра, грим, инструментоведение, дирижирование, культура речи, музыкальный фольклор.

В годы Великой Отечественной войны существенным преобразованиям подверглась система финансирования, снабжения и торговли. В первые же месяцы военных действий по всей стране была введена карточная система, позволяющая населению получить скудный продуктовый минимум¹³. Дополнительное продовольствие приобреталось на местном рынке, однако и там прилавки были полупустыми. Известно, что своего максимума цены достигли

в середине 1943 года. Так, например, если в начале войны пшеничную муку можно было купить за 3,5–5 рублей, то на пике цен она стоила 200–350 рублей. Аналогично выросли цены и на другие продукты питания: говядина (кг) с 18–23 руб. подорожала до 200–300 руб., молоко (л) – с 2–4 руб. до 50–90 руб., картофель (кг) – с 1,25–2,5 руб. до 60–80 руб., яйца (дес.) – с 5–11 руб. до 130–200 руб., масло топленое (кг) – с 30–55 руб. до 600–800 руб. [3].

Для объективной оценки стоимости продуктов питания рассмотрим суммы месячного оклада профессорско-педагогического состава, административно-управленческого и хозяйственно-обслуживающего персоналов Башкирской студии. Согласно архивным данным, обнаруженным в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ)¹⁴, месячные оклады сотрудников выглядели следующим образом:

Профессор, зав.кафедрой	1800 руб.
Профессор	1500 руб.
Доцент	700 руб.
Старший преподаватель	1000 руб.
Преподаватель	500 руб.
Ассистент	600–900 руб.
Директор	600 руб.
Зав. учебной частью	450 руб.
Старший бухгалтер	350 руб.
Секретарь-машинистка	200 руб.
Уборщица	140 руб.

Ежемесячные размеры стипендий варьировались от 140 до 210 рублей, в зависимости от курса обучения¹⁵.

Приведённые цифры свидетельствуют о том, что уровень ежемесячной заработной платы профессорско-преподавательского состава студии был вполне приемлемым для того времени, а оклады административно-управленческого, хозяйственно-обслуживающего персонала и стипендии студентов сравнительно невелики. Однако следует учесть, что уровень жизни сотрудников и студентов в военные годы определялся не столько денежными выплатами от государства, сколько снабжением продовольствием по карточкам и прикреплением к столовым. Судя по материалам РГАЛИ, в 1942–1943 годах дирекции студии удалось прикрепить педа-

гогов и учащихся к закрытому магазину и столовой работников науки и искусства. В это время пропуск в академическую столовую имели профессора Л. Балановская и М. Владимирова, а также тринадцать студентов V курса вокального отделения, зачисленные к тому времени в качестве солистов в Башкирский театр оперы и балета. Ещё десять вокалистов прикрепились к столовой, обслуживающей только по карточкам. Однако зачастую на месяц выдаваемых карточек им не хватало (остальные же карточки в этой столовой не отоваривались). Студенты композиторского отделения были в лучшей ситуации – они питались вместе с членами Союза композиторов БАССР в столовой академиков¹⁶. Таким образом, руководство республики поддерживало их.

Большие трудности в годы войны наблюдались в деле обеспечения гражданского населения промышленными товарами и ширпотребом, поскольку все предприятия страны перешли на выпуск изделий для фронта. В сложной ситуации оказались студийцы и их педагоги. Многие остро нуждались в повседневной обуви, платьях и пальто. Дирекции и местному комитету с большим трудом удавалось получить что-либо у частных торгующих организаций. Так, Г. Байков писал, что за весь 1942–1943 учебный год коллектив, состоявший из 57 студентов и педагогов, получил всего 13 пар валенок, 38 метров шёлковой материи, 7 дамских сорочек, 2 простыни, 1 мужской костюм, 1 пару мужской обуви и прочее в таком же малом количестве¹⁷. Катастрофически не хватало сценической одежды: девушки были вынуждены выходить на сцену в домашних платьях и босоножках. Руководство студии было не в силах исправить сложившуюся ситуацию.

В рассматриваемый период по всему региону имелись сложности с жилыми помещениями. Известно, что за годы войны Уфа, превратившаяся в один из тыловых центров страны, приютила более 100 тысяч человек. Из-за нехватки свободных общежитий, квартир и домов города были вынуждены прибегнуть к крайним мерам – выселить из домов и квартир 15 тысяч семей коренных уфимцев, не связанных с работой на оборонных предприятиях. В последующем всех их отправили в отдалённые сельские районы.

Безусловно, жилищный вопрос затронул и студийцев. В годы войны как сотрудники, так и студенты жили в очень скромных условиях. Чаще всего это были частные квартиры или комнаты, в которых порой не было минимальных удобств для подготовки к занятиям. В Национальном архиве Республики Башкортостан было

обнаружено письмо профессора Московской консерватории И. Рыжкина от 30 июля 1942 года. Он писал, что профессор М. Владимирова «...живет в условиях, исключающих возможность нормальной работы. Несмотря на то, что вопрос о предоставлении Владимировой комнаты, удовлетворяющей соответствующим требованиям, поставлен давно, но до сих пор не получил своего разрешения»¹⁸. Сохранившиеся документы позволяют установить, что со временем жилищные условия М. Владимировой улучшились. В личном листке по учёту кадров, заполненном профессором собственноручно в августе 1943 года, указан адрес проживания – комната № 222 в гостинице «Башкирия»¹⁹. Однако это был лишь единичный случай. Несмотря на многочисленные обращения, как личные, так и через руководство консерватории, проблема с жильём, коснувшаяся практически всех педагогов и учащихся, не была решена. Все здания Уфы были загружены.

Башкирская студия остро нуждалась не только в жилом, но и в учебном помещении. Для проведения занятий было выделено всего несколько классов в здании Башкирского объединённого театра. В этом же здании помимо многочисленных коллективов, эвакуированных с Украины, также находились Башкирский театр оперы и балета, Башкирский академический театр драмы, филармония, эвакуированное Башкирское отделение Ленинградского хореографического училища, музыкальное училище, детская музыкальная школа, Дом народного творчества, Управление по делам искусств при СНК БАСССР, Обком Союза Рабис, фольклорный кабинет, Союз композиторов и партийный архив. Кроме того, здесь же проживало шестнадцать семей артистов театра.

В сложившейся ситуации дирекция студии была вынуждена организовать

учебный процесс лишь в нескольких кабинетах. 11 сентября 1942 года Н. Брюсова направила письмо в Обком ВКП(б) БАССР с уведомлением: «Работа крайне тормозится из-за отсутствия учебного помещения. Трёх классов недостаточно, чтобы полностью осуществить учебный план»²⁰.

Вскоре вопрос с помещением частично был решён. 1 января 1943 года дирекции Башкирского театра оперы и балета и Башкирской студии заключили договор (документ хранится в РГАЛИ). В нём значилось, что отделение берёт в аренду для учебных занятий помещения, находящиеся в здании театра по адресу улица Ленина, д. 5 (башкирский зал, два балетных зала, сцену в свободное от занятий театра время, три класса с инструментами на весь день – № 28, 31, 43 и пять классов без инструментов во время занятий театра № 15, 16, 19, 21, 40). За аренду помещений и коммунальные услуги оно обязуется производить выплаты в размере 30 тысяч рублей в год²¹. Однако до конца проблемы не были устранены. «Каждая репетиция срывала занятия, так как они проходили в артистических уборных. Помещение театра не отапливалось, вследствие чего пришлось сделать перерыв в занятиях в период сильных морозов. Простудные заболевания, явившиеся результатом работы в холодном помещении, также нарушали нормальное течение занятий», – писал Г. Байков²². В таких условиях с декабря 1942 по март 1943 года студенты V курса готовили к постановке свой выпускной спектакль – оперу «Евгений Онегин» П. Чайковского.

Существенно затрудняло процесс обучения отсутствие нотного материала, учебных пособий и канцелярских товаров. 1 января 1943 года руководство оперной студии обратилось к дирекции Башкирского музыкального училища с просьбой

разрешить использовать ноты и учебники из их библиотеки в течение одного календарного года. В частности, директор Башкирской оперной студии писал: «Просим Вас дать указания о снабжении нас необходимыми учебниками по общеобразовательным дисциплинам, по музыкально-теоретическим предметам, нотами, нотной бумагой, тетрадями»²³. Однако, судя по содержанию следующих писем Г. Байкова, библиотека училища не смогла удовлетворить просьбу. В апреле того же года Г. Байков вновь просил оказать помощь в получении нотной литературы, как классической, так и национальной, из библиотеки Московской консерватории. Речь шла о сборнике русских народных песен Г. Лобачёва и татарских народных песен М. Музафарова²⁴. Вероятно, и на этот раз просьба не была удовлетворена.

Отмеченные выше проблемы, во многом связанные с особенностями военного времени, не могли не сказаться на учебном процессе студийцев. Несмотря на то, что первые уроки по сольному пению, музыкально-теоретическим дисциплинам и общему фортепиано проводились с 1 ноября 1941 года, регулярность они приобрели значительно позже. Так, в 1941–1942 учебном году занятия по расписанию на вокальном и композиторском отделениях начались лишь 16 апреля 1942 года и завершились 1 июля того же года. В этот период добавились занятия по оперному классу (преп. Н. Смолич, В. Йориш), классу флейты (А. Проценко), истории музыки (Л. Орлова), музыкальному фольклору (М. Береговский). Были введены несколько дисциплин на композиторском отделении (преп. А. Спадавеккиа, М. Береговский, М. Вериковский). Ввиду сжатых сроков обучения и полного отсутствия общеобразовательных дисциплин, 1941–1942 учебный год

руководство студии признало неполноценным и отменило перевод студентов на следующий курс.

С 15 по 29 июля 1942 года, с целью проверки знаний за текущий учебный год, для студийцев организовали летнюю зачётную сессию. Испытания прошли по нескольким дисциплинам: на вокальном отделении – по специальности, оперному классу, актёрскому мастерству, музыкально-теоретическим дисциплинам; на композиторском – по полифонии, дирижированию, инструментовке, сочинению. В результате, как писал Г. Байков, зачёты сдали большинство студийцев. Зачётная сессия для семи учащихся (М. Абдуллина, Г. Байков, Г. Гильманова, Х. Кудашев, Н. Мустафина, М. Хисматуллин, З. Сафина) была отложена на октябрь 1942 года²⁵.

Итоги работы были подведены 3 августа 1942 года на отчётном концерте студентов вокального отделения профессора М. Владимировой, состоявшемся в зале Всероссийского театрального общества²⁶. «Упорный труд, повседневная концертная практика, мастерское руководство выдающегося педагога – М. Владимировой за короткий срок привели Башкирское отделение к результатам, которые смело можно назвать блестящими», – писала об этом событии концертмейстер В. Шехтер в газете «Красная Башкирия» [4]. Наряду с произведениями классического репертуара – арии из опер Моцарта, Верди, Мусоргского, Чайковского – на вечере прозвучали песни и романсы молодых башкирских и татарских композиторов. Студийцы продемонстрировали крепкую вокально-исполнительскую подготовку и овладение разнообразными приёмами вокальной техники. В целом данное мероприятие показало, что, несмотря на трудности эвакуации, учащиеся и педагоги проделали огромную работу и добились значительных результатов.

Следующий учебный год длился с 1 октября 1942 по 1 июля 1943 года. Для студентов V курса он стал завершающим. 2 и 6 апреля 1943 года на сцене Башкирского театра оперы и балета состоялась премьера оперы «Евгений Онегин». Известно, что в течение двух месяцев спектакль с большим успехом прошёл на сцене театра 17 раз. В постановке были заняты студийцы Г. Салимова (Татьяна), М. Салигаскарова и М. Ахметзянова (Ольга), Г. Нигматзянов и С. Хуснияров (Ленский), А. Сутягин (Онегин) и др. Премьера оперы получила одобрение как у зрителей, так и у музыкальных критиков: «Постановщики спектакля и его исполнители подошли к теме со всей ответственностью и обнаружили глубокую серьёзность и продуманность как во всем спектакле в целом, так и в трактовке отдельных ролей», – писали в газете «Советская Башкирия» (цит. по: [5, с. 98]).

С 1 июля по 1 августа 1943 года были проведены зачёты для I–IV курсов и итоговые экзамены для V курса. К летней сессии студенты, в том числе и незадействованные в премьерном спектакле выпускники, подготовили отрывки из оперы Дж. Верди «Риголетто» и Дж. Пуччини «Чио-Чио-Сан».

Летом 1943 года Башкирскую студию в Уфе (класс профессора М. Владимировой) окончили девять студентов: М. Ахметзянова, З. Гайнутдинова, Г. Ишбулатова, Г. Нигматзянов, Д. Нурмухамедова, Г. Салимова, Г. Сулейманов, С. Хуснияров и А. Хабибуллина²⁷. Все они были зачислены в штат Башкирского театра оперы и балета и существенно укрепили состав труппы²⁸. Подводя итоги работы студии, Г. Байков писал: «Результаты работы 1942–1943 учебного года следует считать вполне удовлетворительными по сравнению с предыдущим 1941–1942 учебным годом, несмотря на то, что работа прохо-

дила в исключительно тяжёлых условиях (отсутствие собственного помещения, неотопляемое помещение театра, простудные заболевания и т.д.)»²⁹. В этом, безусловно, велика роль педагога М. Владимировой. Несмотря на трудности эвакуации в Уфе, она сумела проделать колоссальную работу, связанную с подготовкой молодых специалистов для Башкирского оперного театра. За все годы преподавания в студии М. Владимирова выпустила целую плеяду башкирских певцов. В октябре 1943 года, окончив свою работу в Уфе, профессор продолжила педагогическую деятельность в Москве³⁰.

Как было отмечено выше, композиторское отделение функционировало в годы войны лишь полгода – с сентября 1942 года по февраль 1943-го. Студенты отделения вернулись из Москвы в разное время. Х. Заимов и З. Исмагилов приехали в Башкирию ещё до начала войны, в 1940 году. Оба были привлечены к созданию национального репертуара для оперного театра. Речь идёт об опере «Акбузат»³¹ А. Спадавеккиа и балете «Журавлиная песнь»³² Л. Степанова. Произведения планировалось представить на Декаде башкирского искусства в Москве в начале 1942 года. В то время молодые композиторы ещё только набирались опыта, впервые открывали для себя особенности музыкально-театрального жанра, поэтому их основной задачей стало консультирование московских мастеров по вопросам фольклорного материала, а также по отбору наиболее подходящих народных мелодий для музыкального произведения.

Премьерные показы оперы «Акбузат» и балета «Журавлиная песнь», состоявшиеся уже в годы войны, явились значительным достижением как в музыкальной жизни республики, так и в творчестве самих студийцев. В этот период молодые композиторы под руководством опытных

московских педагогов сделали первые шаги на пути к высокому художественному мастерству.

К работе на композиторском отделении были привлечены композиторы М. Вериковский, Н. Чемберджи, А. Спадавеккиа и музыковед, фольклорист М. Береговский. Все педагоги вскоре были реэвакуированы, что, вероятно, и стало основной причиной приостановки процесса обучения композиторов. Летом 1943 года в отчёте о работе студии Г. Байков писал, что «других педагогов в Уфе найти не представляется возможным»³³.

Несмотря на то, что педагогический процесс был прерван, студийцы-композиторы не переставали сочинять музыку. Они активно работали, прежде всего в жанре массовой песни, так востребованной в годы Великой Отечественной войны. В этот период молодые композиторы пробовали свои силы также в области камерно-инструментальной и симфонической музыки.

В марте 1943 года совместными усилиями студентов вокального и композиторского отделений был организован отчётный концерт, на котором прозвучали камерно-вокальные сочинения Х. Ахметова и Р. Муртазина. Об этом событии в газете «Красная Башкирия» музыковед М. Кугушева писала: «Интересно и разнообразно составленная программа продемонстрировала перед слушателями достижения башкирского искусства и творческий рост его даровитых представителей. Теперь уже ясно определилось их стремление к крупным формам: сюиты, увертюры, сонаты, углублённая разработка народных тем, усложнение гармонического языка... Из вокальных номеров тепло и душевно сделаны “Подарок герою” и “Весенняя заря” Х. Ахметова, “Соловей” Р. Муртазина, с большим изяществом спетые молодыми способными певцами Дианой Нур-

мухаметовой и Гарифом Нигматзяновым. Творческий отчёт Х. Ахметова и Р. Муртазина явился праздником башкирской национальной культуры, яркой картиной её композиторского и исполнительского мастерства» (цит. по: [2, с. 23]). Помимо песен на концерте были исполнены и камерно-инструментальные произведения – Соната для скрипки (на темы протяжной и плясовой песен) Х. Ахметова и Сюита для скрипки и виолончели Р. Муртазина.

Таким образом, Великая Отечественная война, хотя и внесла значительные изменения в деятельность национальных студий, но не сумела остановить процесс подготовки музыкальных специалистов для республик Советского Союза. В этом вопросе значительную роль сыграла политика государства, направленная на со-

хранение кадров и приумножение успехов в сфере искусства.

Однако ни одна война не обходится без потерь. Большой утратой для Башкирской студии и музыкальной культуры в целом стала гибель на полях сражений двух солдат-добровольцев, студентов композиторского отделения – Р. Габитова и М. Рахимова. Ещё в первые месяцы военных действий они были отозваны в Башкирию, но огромное желание внести свой личный вклад в победу над врагом подтолкнуло их на судьбоносный шаг – отбыть на фронт. Вскоре оба студента погибли: в 1943-м – лейтенант Р. Габитов, в 1944-м – младший лейтенант М. Рахимов. Так война унесла жизни одарённых студентов композиторского отделения Башкирской студии.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Отчёт о работе Киргизского отделения Московской государственной консерватории за первое полугодие. Письмо председателя комитета по делам искусств при СНК СССР М.Б. Храпченко от 18 августа 1941 года // РГАЛИ, ф. 962, Оп. 4, Ед. хр. 691, Л. 10.

² Финансирование национальных отделений Московской консерватории производилось Главным управлением учебных заведений лишь с 1 января 1943 года, согласно Приказу № 65 ГУУЗ ВКДИ от 3 декабря 1942 года.

³ Отчёт директора Башкирского отделения Московской государственной консерватории Г. Байкова за период с 1941 по 1943 гг. // РГАЛИ, ф. 962, Оп. 4, Ед. хр. 692, Л. 1.

⁴ 10 ноября 1941 года также возобновились занятия эвакуированного в Уфу Башкирского отделения Ленинградского хореографического училища.

⁵ Отчёт директора Башкирского отделения Московской государственной консерватории Г. Байкова за период с 1941 по 1943 гг. // РГАЛИ, ф. 962, Оп. 4, Ед. хр. 692, Л. 2.

⁶ Там же, Л. 6.

⁷ Докладные записки, справки о перестройке работы Башкирского дома народного творчества, филармонии, академического театра об итогах проведения Декады советской музыки в Башкирии и по другим вопросам // НА РБ, ф. 122, Оп. 22, Ед. хр. 335, Л. 144.

⁸ Сметы: Узбекского отделения, Киргизской и Башкирской студии Московской государственной консерватории на 1942 г. // РГАЛИ, ф. 962, Оп. 4, Ед. хр. 815, Л. 80.

⁹ Отчёт директора Башкирского отделения Московской государственной консерватории Г. Байкова за период с 1941 по 1943 гг. // РГАЛИ, ф. 962, Оп. 4, Ед. хр. 692, Л. 1.

¹⁰ Архив МГК, Приказ № 246 по МГК (Саратов) от 3 июня 1942 года и Приказ № 346 по МГК (Саратов) от 6 июля 1942 года.

¹¹ Отчёт директора Башкирского отделения Московской государственной консерватории Г. Байкова за период с 1941 по 1943 гг. // РГАЛИ, ф. 962, Оп. 4, Ед. хр. 692, Л. 4.

¹² Там же, Л. 9.

¹³ В Уфе данная система начала функционировать в августе 1941 года. Были введены

карточки на хлеб, сахар, кондитерские изделия, а с 1 ноября – на мясные и рыбные продукты, макароны, крупу.

¹⁴ Сметы: Узбекского отделения, Киргизской и Башкирской студии Московской государственной консерватории на 1942 г. // РГАЛИ, ф. 962, Оп. 4, Ед. хр. 815, Л. 52, 53.

¹⁵ Там же, Л. 59.

¹⁶ Отчёт директора Башкирского отделения Московской государственной консерватории Г. Байкова за период с 1941 по 1943 гг. // РГАЛИ, ф. 962, Оп. 4, Ед. хр. 692, Л. 5.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Докладные записки, справки о перестройке работы Башкирского дома народного творчества, филармонии, академического театра об итогах проведения Декады советской музыки в Башкирии и по другим вопросам // НА РБ, ф. 122, Оп. 22, Ед. хр. 335, Л. 144.

¹⁹ Справки, докладные записки, переписка отдела пропаганды по вопросам работы театров, художественной самодеятельности, киностудии документально-хроникальных фильмов и орг. вопросам искусства // НА РБ, ф. 122, Оп. 23, Ед. хр. 375, Л. 228.

²⁰ Докладные записки, справки о перестройке работы Башкирского дома народного творчества, филармонии, академического театра об итогах проведения Декады советской музыки в Башкирии и по другим вопросам // НА РБ, ф. 122, Оп. 22, Ед. хр. 335, Л. 154.

²¹ Сметы: Узбекского отделения, Киргизской и Башкирской студии Московской государственной консерватории на 1942 г. // РГАЛИ, ф. 962, Оп. 4, Ед. хр. 815, Л. 97.

²² Отчёт директора Башкирского отделения Московской государственной консерватории Г. Байкова за период с 1941 по 1943 гг. // РГАЛИ, ф. 962, Оп. 4, Ед. хр. 692, Л. 4.

²³ Сметы: Узбекского отделения, Киргизской и Башкирской студии Московской государственной консерватории на 1942 г. // РГАЛИ, ф. 962, Оп. 4, Ед. хр. 815, Л. 103.

²⁴ Там же, Л. 78.

²⁵ Отчёт директора Башкирского отделения Московской государственной консерватории Г. Байкова за период с 1941 по 1943 гг. // РГАЛИ, ф. 962, Оп. 4, Ед. хр. 692, Л. 2.

²⁶ Там же, Л. 3

²⁷ Справки, докладные записки, переписка отдела пропаганды по вопросам работы театров, художественной самодеятельности, киностудии документально-хроникальных фильмов и орг. вопросам искусства // НА РБ, ф. 122, Оп. 23, Ед. хр. 375, Л. 330–331.

²⁸ Остальные четверо выпускников (вокалисты Г. Фаррахова, Ф. Валеева, А. Сутягин и композитор Х. Ахметов) были оставлены в студии до января 1944 года. В своём отчёте директор Г. Байков указал следующую причину: «в связи с поздним их переводом на V курс».

²⁹ Отчёт директора Башкирского отделения Московской государственной консерватории Г. Байкова за период с 1941 по 1943 гг. // РГАЛИ, ф. 962, Оп. 4, Ед. хр. 692, Л. 3.

³⁰ Архив МГК, Приказ № 364 по МГК от 30 ноября 1943 года.

³¹ В опере «Акбузат» (либретто С. Мифахова) на первый план выводится образ храброго народного героя, победившего злые силы. Обращение к данному сюжету не было случайным. В конце 1930-х – начале 1940-х создание героико-патриотических произведений стало главной задачей советского искусства.

³² В основу сюжета «Журавлиной песни» легли башкирские легенды, повествующие о любви молодых людей Зайтунгуль и Юмагула и торжестве справедливости.

³³ Отчёт директора Башкирского отделения Московской государственной консерватории Г. Байкова за период с 1941 по 1943 гг. // РГАЛИ, ф. 962, Оп. 4, Ед. хр. 692, Л. 6.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баймухаметова Г.А. Киевский театр оперы и балета имени Тараса Шевченко в годы эвакуации в Уфе (1941–1942) // Музыка и время. 2020. № 5. С. 3–6.
2. Галина Г.С. Хусаин Ахметов. Жизнь, творчество, время: монография. Уфа: Китап, 1994. 128 с.
3. Кусков С.А. Цены военного времени // Объединённый государственный архив Челябинской области. 26.12.2011. URL: <https://archive74.ru/tseny-voennogo-vremeni> (дата обращения 20.02.2020).
4. Шехтер В.А. Концерт воспитанников консерватории // Красная Башкирия. 1942. 7 августа.
5. Ямилова О.В. Вокальное искусство Башкортостана в контексте истории национальной культуры. Уфа: УГАИ, 2003. 208 с.

Об авторах:

Гаитбаева Гульшат Ахиятовна, преподаватель музыкально-теоретических дисциплин Уфимского училища искусств (колледжа) (450057, г. Уфа, Россия), **ORCID: 0000-0001-9255-5289**, theory-g@inbox.ru

Махней Светлана Ивановна, кандидат искусствоведения, доцент Уфимского государственного института искусств им. Загира Исмагилова (450008, г. Уфа, Россия), **ORCID: 0000-0003-2695-2264**, makhney@mail.ru

REFERENCES

1. Baymukhametova G.A. Kievskiy teatr opery i baleta imeni Tarasa Shevchenko v gody evakuatsii v Ufe (1941–1942) [Kiev Opera and Ballet Theater named after Taras Shevchenko During the Years of Evacuation in Ufa (1941–1942)]. *Muzyka i vremya* [Music and Time]. 2020. No. 5, pp. 3–6.
2. Galina G.S. *Khusain Akhmetov. Zhizn', tvorchestvo, vremya: monografiya* [Khusain Akhmetov. Life, Creativity, Time: Monograph]. Ufa: Kitap, 1994. 128 p.
3. Kuskov S.A. Tseny voennogo vremeni [Wartime prices]. *Ob'edinennyy Gosudarstvennyy Arkhiv Chelyabinskoy Oblasti. 26.12.2011* [United State Archives of the Chelyabinsk Region. 26.12.2011]. URL: <https://archive74.ru/tseny-voennogo-vremeni> (20.02.2020).
4. Shekhter V.A. Kontsert vospitannikov konservatorii [Concert of the Students of the Conservatory]. *Krasnaya Bashkiriya* [Red Bashkiria]. 1942. 7 August.
5. Yamilova O.V. *Vokal'noe iskusstvo Bashkortostana v kontekste istorii natsional'noy kul'tury* [Vocal Art of Bashkortostan in the Context of the History of National Culture]. Ufa: Ufinskaya gosudarstvennaya akademiya iskusstv, 2003. 208 p.

About the authors:

Gulshat A. Gaitbaeva, musical and theoretical disciplines teacher in the Ufa College of Arts (450057, Ufa, Russia), **ORCID: 0000-0001-9255-5289**, theory-g@inbox.ru

Svetlana I. Makhney, Ph.D. (Arts), Associate Professor at the Ufa State Zagir Ismagilov Institute of Arts (450008, Ufa, Russia), **ORCID: 0000-0003-2695-2264**, makhney@mail.ru